

Сы Жань никак не ожидал, что Се Жунцзин окажется из тех персонажей, что в сериалах увешаны «смертными флагами» с ног до головы: уходил он бодро, под победный марш, а в итоге пропал без вести.

Секта Меча была огромна, но практики перемещались быстро. Юноша терпеливо прождал полдня, догрыз свои семечки, затем потихоньку перебрался к запасам приятеля и прикончил их тоже. Когда обе кучки шелухи сравнялись по размеру, а прыгун со скалы так и не появился, Сы Жань невольно погрузился в тягостные раздумья.

«Спокойно, без паники. Может, Се Жунцзин просто решил, что фэншуй у того обрыва подкачал, и отправился искать другой? Подожду еще немного»

Он попытался скормить себе эту успокоительную пилюлю, но время шло, сумерки сгустились, солнце утонуло в закате, луна взошла и скрылась, а наступившее утро так и не принесло вестей о друге.

Культиваторы могли общаться через коммуникационные нефритовые талисманы, но связь была строго индивидуальной. Сы Жань порылся в своей сумке для хранения и с прискорбием обнаружил, что Се Жунцзин не оставил ему своего талисмана. В наличии были только каналы связи с Гу Лином и Лю Сыжужем.

«Погоди, Гу Лин...»

Юноша резко выдохнул. Он внезапно осознал, откуда всё это время тянулся тонкий шлейф дурного предчувствия. Дрожащими руками он выудил талисман Гу Лина и влил в него струйку духовной энергии. Мгновенно, словно заброшенный на сотни лет аккаунт в мессенджере, пластина начала яростно мигать.

Это белое сияние напоминало метеоритный дождь, предвещающий конец света.

Дело пахло керосином. Сколько же сообщений успел прислать Гу Лин? Если посчитать, Сы Жань «пропадал со связи» месяца два, не меньше. Есть ли смысл отвечать сейчас? Или лучше прямо сейчас бежать за каким-нибудь защитным артефактом?

С каменным лицом он пялился на талисман, переживая нешуточную внутреннюю борьбу.

«Может, притвориться, что я ничего не видел? В конце концов, функции „прочитано“ тут нет. Скажу, что завалился в сумке, только сейчас нашел. Да, так и сделаю! Главное — уверенность!»

Спустя минуту он всё же сдался.

«Ладно, напишу, что жив-здоров»

Хотя слухи о том, как он пострадал, спасая котел с мясом, наверняка уже разошлись, Гу Лин столько раз пытался связаться с ним... Скорее всего, он беспокоился. Стоило ответить, чтобы тот успокоился.

Сы Жань отправил короткое послание. Нефрит тускло замерцал, пришел ответный сигнал — каналы связи открылись. Это было похоже на примитивный телефон: можно было передавать голос.

Только юноша открыл рот, чтобы поздороваться, как из пластины донеслось характерное холодное фыркание. В следующую секунду свет погас. Вызов был беспощадно прерван, не успев начаться.

Сы Жань:

— ...

Сделав вид, что ничего не произошло, он несколько секунд задумчиво вертел талисман в руках, а затем убрал его в сумку. Поразмыслив, он вытащил его обратно и спрятал за пазуху — в отличие от великих мастеров, он не мог мгновенно почуять сигнал из хранилища, так что лучше было держать вещь поближе.

Пока он возился, утро окончательно вступило в свои права, а Се Жунцзин так и не объявился.

Как раз в этот момент вошел Юнь Мо. Сы Жань не упустил случая спросить о судьбе друга, и заметил, как лицо старшего брата на мгновение исказила странная гримаса.

После недолгого молчания Юнь Мо медленно произнес:

— Младший брат Се... вчера по какой-то причине отправился к обрыву у Пика Отражающего Солнце и прыгнул вниз.

Сы Жань застыл с каменным выражением лица, хотя внутри у него всё похолодело от чувства вины.

— Тот обрыв не слишком высок, — продолжал Юнь Мо. — С уровнем культивации младшего брата Се, даже не используя духовную энергию для полета, он не должен был сильно пострадать. Однако под Пиком Отражающего Солнце есть небольшая роща, где часто играет Краснопёрая лиса — контрактный зверь старейшины Ци. Сейчас самый разгар весны, у духовных зверей период гона. И когда младший брат Се приземлился... он угодил прямоком на Краснопёрую лису, которая в тот момент спаривалась с другой лисицей.

Сы Жань:

— ...

— Процесс соития был прерван. Самка в ужасе сбежала, а Краснопёрая лиса в ярости так отделала младшего брата Се, что на нем живого места не осталось. Из уважения к статусу ученика Секты Меча зверь не стал убивать его, — Юнь Мо потер переносицу. — Тем не менее бедолаге-прыгуну пришлось несладко. Разгневанный лис в основном целился когтями в лицо. Боюсь, в ближайшее время он не покажется на людях.

Сы Жань:

— ...

— Более того, — добавил Юнь Мо, — старейшина Ци тоже в негодовании. Эта Краснопёрая лиса известна в секте своим затянувшимся одиночеством. Лис только-только нашел себе пару, они провели вместе несколько счастливых дней, и тут...

Он не договорил, но Сы Жаню и так всё было ясно. В этот момент юноша не знал, кого ему жаль больше — лиса или Се Жунцзина.

— Даос Се... действительно пострадал. Надеюсь, он скоро поправится и впредь не станет прыгать со скал без нужды.

Сы Жань говорил с предельной искренностью, глядя в глаза собеседнику. Но как только Юнь Мо ушел, он выхватил листы со своим романом и обвел верхнюю строку — ту, что о вреде подражания — жирной рамкой.

Се Жунцзин зализывал раны целых семь дней, прежде чем решился выйти из своей пещеры.

На самом деле травмы были поверхностными — синяки да ссадины. Когти зверя не задели ничего важного, но лис оказался мстительным и метил исключительно в лицо. Даже если тело уже не болело, выходить в мир с физиономией, напоминающей распухшую шахматную доску, Се Жунцзин наотрез отказался. Лишь когда отек спал, он в глубочайшем унынии притащился к Сы Жаню.

Вообще-то, будь на то воля Ци Яня, одна пилюля ледяной кожи решила бы все проблемы за миг. Но Ци Фэн, сочувствующий «разбитому сердцу» своего лиса, строго-настрога запретил снабжать пострадавшего лекарствами — пусть, мол, походит и хорошенько подумает над своим поведением.

Несчастный прыгун лежал в своей пещере, костеря себя за то, что в порыве вдохновения решил сигануть в бездну.

Пока Се Жунцзин отсутствовал, Сы Жань откровенно скучал. Писать бесконечные истории о героях с «роялями» стало приедаться — без соавтора, с которым можно было бы обсудить сюжет, запал пропал. И вот однажды, в тихую безлунную ночь, он тайком достал чистые листы, намереваясь написать нечто... более пикантное.

Написание эротики разительно отличалось от работы над обычным сюжетом. Вдохновение не просто пришло — оно хлынуло неудержимым потоком. Стоило юноше коснуться кистью бумаги, как воображение начало рисовать картины, не поддающиеся цензуре.

Поначалу его терзали остатки стыда, но он быстро убедил себя: в обоих мирах он уже совершеннолетний.

«Что плохого в маленьком хобби взрослого человека? Напишу это исключительно для себя, никто не узнает»

Так строка за строкой на бумаге начали проступать слова. В своей прозе Сы Жань предпочитал «поток сознания» и эстетику. Ему нравилось создавать атмосферу тягучей, дурманящей близости. Чтобы не усложнять, он взял уже знакомого читателям Бессмертного мечника Линьюэ.

Кто же откажется посмотреть на падение прекрасного и неприступного небожителя? К тому же, говорят, в книгах про развратников из Секты Совместной Радости, что охмуряют весь мир культивации, уже начали появляться мечники. Значит, спрос есть, а вкусы у всех схожи.

Уши Сы Жаня пылали, но глаза сияли всё ярче. Подобные рассказы обычно невелики, и этот занял всего несколько страниц. Работа близилась к финалу.

В своем мире юноша упражнялся в каллиграфии, так что почерк у него был достойный. Аккуратные ряды иероглифов выглядели изящно и строго. Даже при беглом взгляде текст не казался пошлым — это был возвышенный стиль, где акцент делался на чувствах и атмосфере, а детали подавались лишь намеками.

Закончив, Сы Жань с удовлетворением встряхнул листы. Но не успел он перечитать плоды своего труда, как от внезапного негромкого кашля его едва не подбросило на месте. В панике он запихнул листы за пазуху и поднял голову. У кровати стоял Юнь Мо. Неизвестно, как долго он там находился. Взгляды их встретились, и в комнате воцарилась удушливая тишина.

Юнь Мо заговорил первым:

— Я стучал, но ответа не последовало. Опасаясь, что тебе стало плохо, я вошел без спроса. Прошу прощения.

Чья же это вина — автора, который так увлекся описанием плотских утех, что не услышал

стука, или гостя, заставшего его на месте преступления?

Юноша постарался сохранить лицо, хотя голос его заметно подрагивал:

— Всё... всё в порядке. Давно ты здесь?

— Лишь мгновение.

Сы Жань:

— ...

«Пронесло»

Он перевел дух, незаметно поправив спрятанную бумагу. Убедившись, что всё надежно скрыто, он облегченно выдохнул. Но тут его взгляд упал на пол — там, белея в полумраке, лежал листок. Один-единственный, забытый в спешке.

Сердце Сы Жаня пропустило удар. Он осторожно вытянул шею, пытаясь рассмотреть содержимое. К счастью, это была не страница с описанием ласк. На ней значился лишь псевдоним автора и то самое предупреждение о вреде прыжков со скал.

Заметив странные маневры Сы Жаня, Юнь Мо проследил за его взглядом и тоже увидел листок. Он наклонился, поднял его и уже собирался вернуть, как вдруг его внимание привлекло имя автора.

Юнь Мо помедлил и спросил:

— Так «Бессмертный мечник» — это твоя работа?

Сы Жань:

— ...

Юноша недоверчиво округлил глаза.

«Ты?! Такой правильный, такой серьезный... и тоже читаешь книжки в мягких обложках?!»

Хотя Сы Жань божился, что у главного героя нет прототипа, он не мог отрицать, что невольно придал персонажу черты Юнь Мо. Одно дело — фантазировать втайне, и совсем другое — когда

оригинал держит в руках твое произведение. Это была публичная казнь в чистом виде.

Сгорая от стыда, Сы Жань стиснул зубы и решил идти с повинной. Голос его звучал скорбно:

— Признаю всё. Я действительно использовал тебя как прототип для Линьюэ. Но совсем чуть-чуть! Капельку!

Юнь Мо, который всего лишь задал вопрос:

— ...

Не дождавшись ответа, Сы Жань заговорил еще тише:

— Может... может, и не капельку. Чуть больше, чем чуть-чуть... Но всё равно немного! В общей сложности — сущие пустяки!

Юнь Мо, окончательно сбитый с толку этим потоком оправданий:

— ...

Видя, что старший брат молчит, юноша решительно достал из сумки мешочек, в котором лежало около сотни духовных камней. Скрепя сердце, он протянул его собеседнику:

— Это честно заработанное. Мы с Се Жунцзином делим прибыль три к семи. Вот, возьми, это твоя доля.

Юнь Мо:

— ...

Он лишь вздохнул, чувствуя некоторую беспомощность:

— В этом нет нужды. Я не в обиде. Если хочешь использовать мой образ для своих историй — пиши на здоровье, не стоит беспокоиться.

Сы Жань мгновенно расслабился и покосился на мешочек:

— Так ты точно не хочешь долю от продаж?

— Нет, — отрезал Юнь Мо.

Мешочек исчез в сумке автора со скоростью молнии. Ночь за окном была глубокой. В комнате горело несколько ламп с магическим огнем — свет их был мягким и ровным, но после ярких ламп Земли Сы Жаню он казался тусклым. Юноша кутался в одеяло, Юнь Мо стоял у кровати — молчание становилось всё более неловким.

— Эм... что-то еще? — не выдержал Сы Жань.

Он ожидал, что Юнь Мо уйдет, но тот после недолгого раздумья произнес:

— Да, есть одно дело. Я долго размышлял и решил, что мне стоит высказаться.

Юноша подобрался. Если Юнь Мо говорит таким серьезным тоном, значит, случилось нечто важное.

— Что именно?

— Речь о твоём произведении — «Бессмертном мечнике».

Сы Жань:

— ...?

«Он что, пришел обсудить сюжетные дыры? Вы что, все в этой секте — латентные фанаты чтива?»

— Я внимательно прочел эту историю. Сюжет выстроен логично, читается легко, — голос Юнь Мо звучал предельно деловито. — Однако в третьем абзаце второй главы упоминается, что герой поглощает в свое тело духовный меч, закаленный в руде громового пламени. На самом деле эта руда обладает крайне нестабильной энергетикой. Меч, прошедший такую закалку, необходимо выдерживать под лунным светом не менее трех дней, прежде чем его можно будет безопасно интегрировать в дантянь.

Сы Жань впал в ступор.

«Погодите... направление разговора явно свернуло не туда»

Тот продолжал:

— Далее, в двенадцатом абзаце седьмой главы, герой на расстоянии управляет мечом и одним

ударом ци рассекает скалу ровно пополам. Но когда ци покидает клинок, особенно на дистанции, духовная энергия начинает рассеиваться. Скала действительно может быть разрушена, но от избыточного давления она, скорее всего, разлетится на множество кусков. Расколоть её идеально надвое практически невозможно.

Сы Жань почувствовал, как у него перехватывает дыхание.

— В девятом абзаце одиннадцатой главы, — методично перечислял старший брат, — когда герой теряет сознание, его меч самостоятельно встает на защиту хозяина. Однако, согласно твоему описанию, уровень разума меча находится между первой и второй стадией. На этом этапе дух меча способен передавать лишь слабые отголоски намерений, он не обладает достаточной осознанностью для самостоятельных скоординированных действий.

Сы Жань медленно превращался в безвольную соленую рыбу. Он и представить не мог, что Юнь Мо подойдет к чтению так серьезно. Мелкие детали, номера глав и абзацев — он выудил даже те огрехи, о которых сам автор не подозревал, и подверг их беспощадной критике.

Когда разбор закончился, Сы Жань пребывал в состоянии полной прострации. Юнь Мо негромко кашлянул:

— Что скажешь?

Он вяло похлопал в ладоши:

— Это... это было невероятно.

«Всё. Больше никаких книг про мечников»

Спустя месяц Сы Жань окончательно пришел в норму. Всё тело слушалось идеально, он мог хоть на шпагат сесть, хоть сальто крутить. В первый же день после выздоровления он радостно нарезал круги по комнате.

Его старая пещера на Пике Созерцания была уничтожена молнией, но сам пик уцелел. Говорили, что Юнь Мо уже подготовил для него новое жилище — точную копию прежнего, даже мебель подобрал максимально похожую. Можно было заселяться хоть сейчас. Спрятав за пазуху горшок с травой-призраком, который долго стоял у него в изголовье, юноша вприпрыжку отправился на Пик Созерцания.

За прошедший месяц, с возвращением Се Жунцзина, Сы Жань выпустил еще три книги: одну про дедушку в кольце, вторую про судьбоносный прыжок в бездну и третью — про перерождение. На этом он решил поставить точку. Литература была лишь способом скоротать

время во время болезни, а теперь пора было браться за ум и приступать к настоящим тренировкам.

Книги поступили в продажу полмесяца назад. Вскоре после этого Се Жунцзин ушел на очередное задание, так что отзывов о продажах Сы Жань еще не слышал. По пути он столкнулся со старейшиной Ци Фэном. Тот, узнав о выздоровлении юноши, решил лично навестить его. Убедившись, что Сы Жань полон сил, старейшина прошел с ним часть пути.

Глядя на Ци Фэна, он не мог не заметить его странный вид: подол одеяния был изодран в клочья, а на голове, где волосы только начали отрастать, виднелись свежие залысины, словно их кто-то выдрал клоками. Юноша не выдержал и спросил, что случилось.

Ци Фэн тяжело вздохнул и с возмущением хлопнул себя по бедру:

— Эх! Не поверишь... Это просто беда какая-то! Ты же знаешь мою Краснопёрую лису?

Юноша кивнул, чувствуя, как внутри нарастает недоброе предчувствие.

— Я же для этого лиса как отец родной, за его личную жизнь переживаю больше, чем за свою! — сокрушался старейшина. — Весна, гон у него... Я все силы положил, чтобы найти ему достойную пару. Нашел-таки! И что ты думаешь? Сначала этот Се Жунцзин свалился им на головы и всех распугал. Я тогда в ярости был! — Ци Фэн сделал несколько глубоких вдохов, умиряя гнев. — Ладно, дело прошлое. Я снова нашел ему лисицу. Вроде поладили, уединились в укромном местечке для спаривания, и тут... Опять! Опять кто-то падает с неба!

Старейшина всплеснул руками:

— Я одного не пойму: что им всем в этих скалах медом намазано? Ведь знают, олухи, что кожа у них крепкая, ну поцарапаются максимум... Но зачем прыгать-то один за другим?! В Секте Меча скоро не останется ни одного обрыва, с которого бы кто-нибудь не сиганул!

— Мой лис любит прохладу и уединение, особенно тенистые камни под скалами, где он обычно и спаривается. Если бы один Се Жунцзин с ума сошел — полбеда. Но теперь они прыгают пачками! Лис уже на грани безумия! — голос Ци Фэна дрожал от обиды. — У него процесс прерывают раз за разом, тут любой озверевает! Ну разве это по-людски?!

Он сглотнул и праведно возмутился:

— Действительно! Какое безобразие!

Ци Фэн горестно вздохнул:

— Лис теперь в ярости на всех кидается. А когда рядом нет виноватых, он на мне зло срывает. Посмотри на мою одежду, на мои волосы... Всё он, проказник!

Старейшина обернулся к юноше и наставительно произнес:

— Ты, Сы Жань, не вздумай этим заниматься. Те оболтусы привычные, а ты парень хрупкий, прыгнешь неудачно — костей не соберешь.

Сы Жань закивал, как китайский болванчик:

— Конечно-конечно! Я и близко к краю не подойду!

На лице Ци Фэна расцвела довольная улыбка. Юноша поднял голову и устремил взор к небесам. Взгляд его был необычайно глубоким.

«Я тут ни при чем. Я вообще ничего об этом не знаю»

<http://bllate.org/book/15359/1421998>